

*Посвящается
Катрин и Микаэлю*

Тот жар вбирать мы можем научиться
За краткий срок, что здесь дарован нам¹.

Уильям Блейк

¹ Перевод Д. Смирнова-Садовского. (*Прим. переводчика.*)

1

Все рассуждают о влюбленности так, словно это нечто совершенно удивительное, нечто в корне меняющее жизнь. Что-то такое происходит, говорят, и ты понимаешь. Смотришь в глаза своей возлюбленной или возлюбленному и видишь не только человека, которого ты мечтал встретить, но и такого *себя*, в которого втайне верил, себя, желанного и вдохновляющего, себя, никем не замечаемого прежде.

Вот что произошло, когда я встретила Кита Годдена.

Я смотрела в его глаза и понимала.

Только вот другие тоже понимали. Все остальные чувствовали то же самое.

2

Каждый год, когда заканчиваются занятия в школе, мы набиваем машину необходимым хламом и едем на побережье. После того как шесть человек заталкивают в салон самое необходимое, папа говорит, что в окно теперь ничего не видно, а в машине не осталось места для нас, и потому половина вещей выгружается, но это не спасает положение; что же касается меня, то дело обычно кончается тем, что я восседаю на теннисной ракетке или на мешке с обувью. Когда мы наконец отправляемся, настроение у всех испорчено.

Эта поездка — истинный кошмар, полный толчков, споров и маминых заявлений о том, что если мы не успокоимся, то у нее случится инфаркт, и каждый год папа сворачивает

на обочину и говорит, что будет просто стоять до тех пор, пока все, к чертовой матери, не заткнутся.

Мы ездим на побережье с самого нашего рождения, а в теории такая жизнь существовала и до того: папа приезжал сюда еще ребенком, а мама — с тех пор, как повстречала папу и родила нас четверых.

Поездка занимает несколько часов, но в конце концов мы съезжаем с шоссе, и наше настроение меняется. Хорошо знакомый маршрут проделывает что-то такое с нашими мозгами, и мы начинаем повизгивать про себя, как приближающиеся к парку собаки. До дома остается ровно полчаса езды, и мы прекрасно знаем здешний пейзаж, каждый его дюйм. Мы соревнуемся, кто увидит больше лошадей и оленей или первым заметит сову, сидящую на заборе, или скачущего по дороге зайца Гарри. Гарри часто выбегает на середину дороги в день нашего прибытия, а также и в день отъезда, и это служит неопровержимым доказательством того, что наш мир — изощренная компьютерная симуляция.

Ничто не может сравниться с нашим приездом сюда. Папа заруливает на заросшую травой подъездную дорожку, мы выскакиваем из машины, кричим и мчимся к дому, пахнущему старой обивкой, солью и затхлостью — до тех пор, пока мы не открываем все окна и не позволяем морскому ветру ворваться внутрь.

Первый разговор всегда одинаков:

МАМА (*мечтательно*): Как же я скучала по этому месту.

ДЕТИ: И мы тоже!

ПАПА: Если бы только оно было немного ближе.

ДЕТИ: И здесь было бы отопление.

МАМА (*твердо*): Ну, оно далеко. И отопления нет. Так что нечего мечтать попусту.

И никто не удосуживается сказать, что именно она каждый раз затевает этот разговор.

Мама уже взяла совок для мусора и сметает мух с подоконников, а папа тем временем

достаёт продукты и заваривает чай. Я бегу наверх, открываю ящик под кроватью и беру из него выцветшую прошлогоднюю майку. Она пахнет старым домом и берегом моря, и теперь так пахну и я.

Алекс проверяет со своего ноутбука камеры в домиках для летучих мышей, а Тамсин невероятно быстро распаковывает вещи — ведь мама говорит, что она не увидит свою лошадь до тех пор, пока все не разложит по местам. Лошадь ей не принадлежит, но она арендует ее на лето и готова спасти из огня прежде, чем любого из нас.

Мэtti, недавно выросшая из плоскогрудой девочки со слишком крупными чертами лица в шестнадцатилетнюю секс-богиню, переделалась в сарафан и резиновые сапоги и бродит по берегу, потому что воспринимает свою жизнь как один большой пост в Инстаграме. Она воображает, будто выглядит романтично и великолепно, и, к несчастью, это действительно так.

Раздается громкий шум, когда Малколм и Хоуп спускаются вниз, радуясь нашему прибытию на побережье. Гомез, очень

большой, мрачный бассет-хаунд Мэла, лает во всю силу своих легких. Его нельзя винить в этом, потому что он знает — Тамсин и Алекс зацелуют его до полусмерти.

Мэл берет две бутылки холодного белого вина, и пока все обнимаются и целуются, папа бормочет:

— Давно пора. — Он бросает чай и идет на поиски штопора. Тэм устремляется к Мэлу, и он кружит ее так, словно она все еще маленькая девочка.

Хоуп заставляет нас встать по возрасту: я, Мэтти, Тамсин и Алекс. Потом делает шаг назад, любуется нами и говорит, что мы очень выросли и выглядим прекрасно, хотя имеет в виду в основном Мэтти. Меня из вежливости хвалят заодно с ней, и я привыкла к этому. Тэм фыркает и нарушает стройность рядов, за ней то же делает и Алекс. Не то чтобы мы не видели Мэла и Хоуп в Лондоне, но там это удастся только между школой и работой, а поскольку мы живем в совершенно разных районах города, то встречаемся гораздо реже, чем вы можете подумать.

— Ужин подадим, когда вы будете готовы, — говорит Хоуп.

Папа протирает винные бокалы бумажным полотенцем, наполняет их и протягивает тем, кто старше восемнадцати, а Мэтти, Тамсин и мне достаются уменьшенные порции. Алекс появляется вновь и набрасывается на бокал Хоуп, как крысиная змея, когда та ставит его на стол, чтобы помочь маме с чемоданом. Он приканчивает вино в два глотка и вновь исчезает. Хоуп хмуро смотрит на пустой бокал, но папа снова наполняет его.

Все улыбаются, смеются и излучают оптимизм. В этом году все будет лучше, чем всегда, — и погода будет лучше, и еда, и развлечения.

Актеры собрались, лето начинается.

3

Наш дом в равной мере живописный и раздражающий. Во-первых, он меньше, чем кажется, и это забавно, поскольку с большинством домов все наоборот. Мой прапрадедущка построил его для своей жены в качестве свадебного подарка в 1913 году. Дом выдержан в стиле, который мама называет поствикторианско-маньячно-чердачным. Семья владела им до 1930-х годов, когда моему предку пришлось все продать, чтобы заплатить карточные долги. Его сын (мой прапрадедущка) двадцать лет спустя выкупил дом, выкрасил в изначальный сиреневый цвет, и впоследствии все избегали упоминать о тех временах, когда семейство лишилось его. Прапрадедущка также построил дом на побережье для новых членов се-

мы, и теперь он принадлежит Хоуп. С тех пор как на сцене появился Мэл, дом считается их общим, хотя формально это не так.

Наш дом построен как летний, что своего рода блажь. Он не предназначен для того, чтобы жить в нем круглый год, вот мы и не живем. Он открыт всем ветрам, и у него нет теплоизоляции, трубы замерзают, если в холодное время года не пользоваться водопроводом и не заливать в ноябре унитазы антифризом, но нам нравится каждая его башня и башенка, и старомодные окна, и даже короткая лестница, ведущая в шкаф. Мой прапрадедущка, должно быть, имел исключительное чувство юмора, потому что все в доме в высшей степени оригинально. Зато из каждого окна можно видеть море.

Моя спальня находится в сторожевой башне. Большинство людей не стали бы претендовать на нее, потому что она до смешного маленькая. Кто-то достаточно высокий может одновременно коснуться всех четырех стен, если ляжет на пол, вытянув руки и ноги. В башне имеется встроенная кровать

и лестница, ведущая к узкой вдовой тропе, названной так потому, что женщинам нужно было где-то прогуливаться и смотреть на море в подзорную трубу в ожидании своих мужей, которые не всегда возвращались. Поэтому тропа и вдовья.

У меня есть медная подзорная труба, принадлежавшая еще прапрадедушке. Он служил на флоте и в последние годы жизни проводил много времени, делая то же, что и я, — стоял в башне с подзорной трубой, направленной на море. Понятия не имею, что он там видел, возможно, то же самое, что и я: лодки, Юпитер, сов, зайцев, лис и случайных обнаженных пловцов. Это своего рода неписаное правило — подзорная труба идет в придачу к комнате. Теоретически и труба, и комната могли перейти к Мэтти, Тамсин или Алексу, но перешли ко мне.

В моей семье существует великое множество традиций, скажем, передачи дома и передачи подзорной трубы. С другой стороны, нам явно не хватает традиций, какие есть у знатных семей, например, мы не называем каждого старшего сына в поколении

Альфредом, не страдаем слабоумием, а ген азартного игрока ни у кого, кроме прапрапрадедушки, не проявлялся, что, конечно же, к лучшему. Но когда дело доходит до передачи собственности от одного поколения к другому, мы оказываемся прямо-таки на равных с королевой.

На другом конце дома — тоже башня. До рождения нас четверых мама и папа использовали ее как спальню, и это было романтично, но не практично, поскольку сильный ветер грозил снести ее, отделив от дома. Около пяти лет назад родители перебрались в комнату над кухней. Мама делает костюмы для Национальной оперы, и эта комната служит ей мастерской. Комната Алекса расположена на другом конце холла, ее называют «перерезанное горло». Я всегда думала, что это из-за какого-то мрачного давнего убийства, но папа говорит: просто она такая маленькая, что живущим там хочется перерезать себе горло. К плюсам комнаты относится шестиугольное окно и то, что в ней ты чувствуешь себя уютно, как в каюте.

Мэтти и Тамсин долгие годы жили в одной комнате. Но когда Мэтти исполнилось двенадцать, их расселили, дабы избежать кровопролития. Даже мама с папой поняли, что никто на всем белом свете не способен ужиться с Мэтти, и в результате она осталась единственной владелицей маленького гостевого домика в саду, что помогает ей чувствовать себя особенной. У Тамсин теперь своя комната, и это всех устраивает, поскольку там сильно пахнет лошадьми.

Между спальнями находится длинная лестничная площадка со встроенным сиденьем у окна, где можно расслабиться, или почитать, или поиграть в карты, или же посмотреть через большое окно на море. Хлопковая обивка сиденья до такой степени вылиняла, что трудно сказать, какого цвета она была раньше. Когда мы были маленькими, то называли это место игровой комнатой, хотя на самом-то деле это коридор.

Снаружи дом украшен викторианскими фронтонами и выступами, да еще и выкрашен в сиреневый цвет, так что даже рыбаки останавливаются, чтобы сфотогра-

фировать его на телефон. Когда я спросила папу, почему бы нам не покрасить дом менее броской краской, тот пожал плечами и сказал:

— Он всегда был сиреневым.

Всякого такого много в нашей семье — бездумности, эксцентричности.

Хоуп — самая младшая папина кузина; она родилась, когда ему было двадцать два. С тех пор как Мэл и Хоуп вместе, летом они живут в маленьком доме. Он расположен всего в сотне метров от нашего дома на побережье и выстроен из дерева и стекла, что было очень прогрессивно для того времени. Рядом с ним — большие деревянные столы, за которыми можно сидеть, есть и смотреть на море.

Малколм встретил Хоуп в театральной школе. Никто не думал, что их отношения окажутся такими длительными, — Хоуп казалась слишком разумной для того, чтобы жить с актером. Но они вместе уже двенадцать лет, и мы называем их Мэлихоуп, словно они единое существо. Где Мэлихоуп? Мэлихоуп выйдет к обеду?

— Надеюсь, Малколм не потеряет надежды¹, — говорит папа по крайней мере раз в неделю, и эта шутка довольно глупа, ведь Хоуп очень предана Малколму. И мы тоже, поскольку он безумно красив и к тому же неутомим в настольных играх.

Мэлу и Хоуп по тридцать с хвостиком, и они гораздо интереснее наших родителей. Они — заводилы всех наших летних предприятий: попоек, откровенных разговоров, покера на всю ночь. Оба они начинали как актеры, но однажды Хоуп решила, что ненавидит бедность, и потому сейчас преподает драматургию в университете в Эссексе. Иногда она озвучивает других, потому что обладает превосходной способностью имитировать чужие голоса, не то что Мэл. Какой бы акцент он ни изображал, всегда получается ирландский, а его потуги говорить как американец просто жалки. Никто из нас никогда не произносил этого вслух, но лучше бы уж Хоуп зарабатывала на жизнь, будучи актрисой, а Мэл преподавал драматургию.

¹ Игра слов: Хоуп — hope (*англ.*) — надежда.

Я видела Хоуп на сцене всего раз в роли Норы в «Кукольном доме». Мне было всего тринадцать, и лишь слепой не разглядел бы, как хороша она была. Я в жизни не встречала кого-то, кто, играя так мало, сумел бы выразить так много, и я этого никогда не забуду. Когда же играет Малколм, его эмоции заполняют всю сцену.

Мы обожаем Мэла. Он учит нас таким вещам, как бой на мечях, учит убедительно смеяться на сцене. Мэтти флиртует с ним, но она флиртует абсолютно со всеми, и потому это практически незаметно. Малколм отвечает ей тем же, дабы не ранить ее чувств. Мэтти совсем не глупа, но иногда мне кажется, что она самый обычный человек из всех, кого я знаю. Она говорит, что хочет стать врачом, хотя, похоже, ее мозг забит в основном сексом и обувью.

Мэтти только что вылезла из воды. Некому восхищаться ею, кроме рыб. Она кричит, ни к кому конкретно не обращаясь, что идет помочь Хоуп с ужином.

Я слышу, как Тамсин спорит с папой — хочет, чтобы он подвез ее до конюшни. Тэм

дозволено ездить на Дюке летом, но далеко не каждый раз, когда ей приспичит, ее отвозят к нему. Она права в том, что такая поездка занимает всего пять минут, и еще двадцать уходит на то, чтобы ездить кругами, но если сложить все ее «пять минут» за лето, то надо признать: папа правильно делает, пресекая ее желание на корню.

Мама прекращает их дискуссию, и на несколько коротких мгновений в семье воцаряется мир.

4

— У меня для вас два сюрприза, — сказала Хоуп утром после нашего приезда, но отказалась признаваться каких, хотя все мы умоляли ее об этом. — Скажу вам за ужином.

Я не люблю сюрпризы. Мне нужны только факты, мэм, без шампанского и хитрых ухмылок.

Было почти шесть, когда я оторвалась от книги, которую читала, и выглянула в окно. Тэм шла от берега к нам, в руках у нее была большая тарелка с чем-то вроде водорослей, которые, возможно, предназначались для ужина.

В подзорную трубу я хорошо видела большую часть пляжа и все, что происходит между домом и морем. Я не заглядываю в чужие спальни, но считаю себя вправе смотреть

на то, что делается снаружи. Мне был виден горизонт, и я различала названия судов. По губам людей в море можно было разобрать, о чем они говорят. До полнолуния оставалось всего два дня, и я любовалась голубыми, призрачными оттенками лунного света.

В доме царило волнение — ведь у Хоуп имелись какие-то там сюрпризы. Я гадала, а не собирается ли она объявить, что беременна, и если так, то можно ли считать это хорошей новостью. Хотя я очень люблю Мэла, все же он из тех людей, кто, не раздумывая, обменяет младенца на пригоршню волшебных бобов. И умудрится убедить всех, что поступил правильно, и на него будет сердиться одна лишь Хоуп. Мэл обладает избыточным обаянием, которое затмевает его недостатки. С ним хорошо поговорить, если вы сыты по горло жизнью или вас достали родственники, и он выслушает, а это вряд ли по силам кому-то еще.

Я вижу, как родители возвращаются с купания — они часто плавают в море в это время дня. На маме зелено-белый полосатый ку-

пальник и панама, что папа подарил ей на прошлый день рождения. На папе шорты и шлепанцы. Они идут близко друг к другу.

После заплыва мама разожжет гриль, а папа будет мариновать мясо и суетиться вокруг нее. Мэлихоуп будут ходить с тарелками салата и бутылками вина, которые потом откроют. И выпьют. Взрослые как следует надерутся. Дети тоже, если никто не станет обращать на них внимания.

Даже если я не вижу чего-то из своего окна, то вполне могу вообразить это. Прямо сейчас, например, Мэл играет с Алексом в шахматы на полу гостиной. Каждый раз, когда Алекс делает удачный ход, Мэл вздрагивает. Они оба жульничают, как пираты, и потому никто больше не хочет с ними играть. Не могу вспомнить, всегда ли Алекс играл нечестно или же научился этому у Мэла, утверждающего, что он изучает мышление преступников — на случай, если получит вдруг роль Мориарти.

Наконец я спускаюсь вниз. Хоуп уже пришла, и все пристают к ней — хотят знать, какие у нее секреты, но она настаивает на

том, что время еще не пришло. Мэл говорит, что будет брать взятки, но только наличными.

— Да черт вас всех побери, — бормочет Алекс. — Надеюсь, это что-то интересное.

Видящая все в розовом свете Мэтти полагает, что секреты касаются ее, и она не так уж не права.

В половине девятого мы все сидим и ужинаем. Стол освещен лампами со свечами. Алекс сел в самом конце стола, и когда Мэл начинает разливать вино, то мама и папа не замечают, что один из бокалов — его.

Наконец Хоуп встает и стучит ложкой по своему бокалу, словно все не сидят как на иголках в ожидании этого момента. С того конца стола, где сидит Алекс, раздаются радостные возгласы, а потом глухой удар — Тамсин локтем отправляет его со скамейки на землю. Он остается там и хихикает.

— Я обещала два сюрприза, — говорит Хоуп, как мне кажется, слишком уж пафосно. Она нервничает.

— Близнецы? — встречается папа, и Мэл давится едой.

— Нет, не близнецы, но мы с Мэлом решили пожениться. Так что кто его знает.

Мэл шепчет:

— Боже упаси!

Но остальные радостно кричат и тянутся через стол поздравить их. Хоуп отталкивает протянутые к ней руки.

— Да ну вас, — говорит она. — Ведь мы уже довольно долго живем вместе.

Папа пожимает руку Мэлу:

— Молодец, Мэл!

Хоуп закатывает глаза:

— Молодец, потому что нашел женщину и захомутал ее?

Папа смеется.

— Свадьба состоится в последний уик-энд лета. Ничего особенного, просто небольшая вечеринка. Никаких родственников, кроме самых близких, несколько близких друзей, хорошая еда, никакого шатра. Все будет очень и очень просто.

— Как Мэл.

Мама шикает на Алекса.

— Никакого белого платья? — разочарованно спрашивает Мэгги.

— Мэл может надеть что пожелает, — отвечает Хоуп. И наконец они целуются сладким, комичным поцелуем.

Мы одобрительно кричим.

Хоуп поднимает руку:

— И последнее. Поскольку вся оставшаяся у меня в этом мире родня сидит за этим столом, я хочу воспользоваться случаем и поблагодарить вас за то, что вы оказались милыми и не такими бесящими, как могли бы. У меня все.

Алекс, который по жизни любит привлекать всеобщее внимание, блюет в траву. Мама хватает его за шкирку и затаскивает в дом. Нам слышны приглушенные крики, а когда Алекс возвращается, то кажется зеленым. Мама выходит за ним следом с ведром воды. Выглядит она очень сердитой.

— Можно я буду главной подружкой невесты? — Мэтти уже выбрала платье, которое будет на ней, и букет, что будет у нее в руках.

— А я? — вскидывается Тамсин.

— Две девушки с цветами... — говорит Хоуп. — Может быть, еще ты... или Алекс? —

Она смотрит на меня, почему-то озадаченно.

— Нет, спасибо, — говорю я. — Если только ты не хочешь конкретно нас.

Хоуп улыбается и качает головой.

— Двух достаточно.

Алекс вскакивает с места:

— А как насчет меня? — Его глаза смотрят в совершенно разных направлениях.

— А что насчет тебя, дорогой? Я бы с удовольствием сделала тебя девушкой с цветами.

Алекс бурно радуется, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Ну хватит о свадьбе, — говорит папа. — А какой у тебя второй сюрприз?

А мы-то и забыли о нем.

— А, — говорит Мэл. — Наверное, не все знают, что крестная мама Хоуп — Флоренс Годден.

— Неужели та самая Флоренс Годден? — Папа и Мэл разговаривают как герои старого водевиля. То, что Хоуп — крестная дочь Флоренс Годден, — одно из главных обстоятельств ее жизни.

Алекс снова кренился в сторону.

— Флоренс снимает кино в Венгрии. А ее мальчики приедут из Лос-Анджелеса, чтобы провести с нами лето.

— О боже! — Мэтти, кажется, готова упасть в обморок. — Не могу поверить, что ты так долго молчала.

— Она сказала сейчас, Мэтти, — замечает Тамсин.

— Я не видела их целую вечность, — говорит Хоуп. — Подозреваю, они сильно изменились. Киту, должно быть, девятнадцать или около того, а Хьюго на год-два моложе. Вы, дети, не набрасывайтесь на них сразу же. Вспомните бедного баклана.

Мы на секунду замолкаем и вспоминаем баклана. Под руководством Мэла мы ухаживали за ним, но он умер от сердечного приступа — «из-за чертовски пристального внимания», как сказал Мэл. Это была предположительная причина гибели; но мы не узнали ничего наверняка, поскольку папа отказался огласить заключение о смерти. Тогда я нарисовала птицу с рваными крыльями, размах которых был равен росту Алекса.

Из-за змеиной шеи и холодного взгляда его труп казался призрачным.

И напоминание Хоуп навсегда связало в моем воображении Кита Годдена с бакланом: золотой мальчик и потрепанная черная птица.

Хмм.

Хоуп села.

— Ну, — сказала она, — так-то вот. Может, выпьем за лето?

Все, за исключением Алекса, подняли бокалы. Мама смотрела на Алекса таким ледяным взглядом, что он опустился на траву под столом, да так там и остался.

Восемь голосов воскликнули хором:

— За лето!

5

До приезда Кита и Хьюго Годденов оставалось три дня. Никого из тех, кому было за тридцать, не встревожил надвигающийся апокалипсис, но Мэтти каждый свой свободный час проводила в безумных занятиях по самосовершенствованию. Остальные же с интересом наблюдали за тем, как она делает овсяные маски и взъерошивает перед зеркалом волосы.

— До чего же отвратительно! — буркнул Алекс. — Что касается меня, то я собираюсь показать мальчикам летучих мышей. — Он считал, это будет потрясно. Кто, в конце-то концов, не любит летучих мышей?

— Им не понравятся мыши, — сказала Мэтти.

— Спорим, понравятся. Спорим, там, откуда они едут, им жутко не хватает летучих мышей.

— А как же Бэтмен? — хихикнула Тамсин. Алекс проигнорировал ее.

— Если им нравятся летучие мыши, значит, они ребята что надо. Если же нет, то пусть валят отсюда.

Я пожала плечами:

— Это справедливо.

— Бэтмен! — сказала Тэм на этот раз громче, на случай если мы ее не услышали.

— Не заткнулись бы вы и не исчезли с глаз долой. — Нервы у Мэтти были на пределе. Ей надо было смыть маску и заняться губами, а время шло.

— Намек понят. — Алекс встал и захлопнул ноутбук.

— Она сумасшедшая, — сказала Тэм, когда мы вышли.

Для Алекса это было само собой разумеющимся.

— Боже, надеюсь, они не похожи на слюнявых идиотов, обожающих сиськи, — простонал он.

— Сиськи, Алекс? — Из сарая появился Мэл с ящиком инструментов в руках. Нужно было починить ворота.

— Калифорнийские чуваки. Держу пари, все этим летом будет сосредоточено на сиськах и языках. Отвратительно, — хохотнул Алекс.

— Не надо первым же делом говорить об этом, юный сэр! — Мэл находил Алекса безумно забавным, равно как и все мы. — Не стоит предрекать худшее.

— Да уж, — согласился Алекс.

— А ты не довезешь меня до конюшни? — Тэм одарила Мэла самой действенной своей улыбкой. Он помахал перед ее носом от-
верткой:

— У кого-то из нас есть дела.

Тэм вздохнула и пошла за Алексом в дом.

— Похоже, мы с тобой остались вдвоем. — Мэл обнял меня за плечи. — Ну что, примемся за дело?

— Не-а, я, пожалуй, пойду поплаваю.

— Иди, — сказал он. — Предавайся светлым мечтам юности.

Я закатила глаза:

— Угу.

— Ты состаришься прежде, чем успеешь понять, что стареешь, и тогда вряд ли кто женится на тебе.

— Скажу Хоуп, что ты в отчаянии.

— Разумеется скажешь, милая.

Я пошла к морю и вошла в него.

Грядут перемены — все лето рядом с нами будут жить чужие люди. Хорошо это? Или плохо? Алекс прав: недели флирта и суеты вокруг Мэтти — это больше, чем я способна вынести. Может, хоть один из них окажется вменяемым.

Я позволила ледяному морю сомкнуться у меня над головой. В воздухе носилось слишком много всяких мыслей. А здесь, по крайней мере, было тихо.

Когда позже я натолкнулась на Мэтти, она выглядела по-новому: загорелая и какая-то отполированная, ее брови изгибались арками, ее ноги (и бог знает что еще) были совершенно гладкими и слегка намазанными маслом. Она пахла геранью и розами, и мы поняли, что она надушилась мамиными духами.

— Я взяла их напрокат, — сказала она, но разве можно взять напрокат духи? Разве можно их потом вернуть?

Она лежала на старой большой софе в гостиной и тарасилась в телефон, словно

к ней мог явиться джинн, если она потрет экран.

Мы с Мэтти совершенно игнорировали друг друга, не имея между собой ничего общего. И вряд ли стоит спорить о том, чьи жизненные принципы предпочтительнее, ее или же, напротив, мои.

Время шло, и мы ждали, когда все начнется.